оригинальная статья

Состояние и тенденции развития теневого академического предпринимательства

Игорь Алексеевич Юрасов
Пензенский филиал Финуниверситета, Пензенский государственный университет, Институт регионального развития Пензенской области, Россия, г. Пенза; https://orcid.org/0000-0002-4884-6422; jurassow@yandex.ru

Мария Алексеевна Танина
Пензенский филиал Финуниверситета, Россия, г. Пенза; https://orcid.org/0000-0001-7311-6280; margo10@inbox.ru

Вера Александровна Юдина
Пензенский филиал Финуниверситета, Россия, г. Пенза; https://orcid.org/0000-0001-9835-9430; vayudina@fa.ru

Елена Викторовна Кузнецова
Пензенский филиал Финуниверситета, Россия, г. Пенза; https://orcid.org/0000-0002-6863-1066; elena_myskina@mail.ru

Поступила в редакцию 31.05.2021. Принята после рецензирования 20.09.2021. Принята в печать 20.09.2021.

Аннотация: Понятие *академический капитализм* прочно вошло в международный социологический дискурс с 90-х годов XX века. Социальная реальность в России по-своему проявляет академический капитализм, который принимает все более необычные формы, развиваясь в теневой неформальной среде академического рынка труда. Типичными социально-трудовыми практиками академического капитализма становятся консультации и дополнительные занятия со студентами; подготовка и написание диссертаций, курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавриата и магистратуры, научных отчетов по грантам и темам государственных заданий для научных коллективов высокоселективных вузов и научно-исследовательских институтов силами специалистов провинциальных среднеселективных и низкоселективных учреждений высшей школы; подготовка материалов для публикаций в высокорейтинговых журналах силами провинциальных ученых, отказывающихся от авторства за финансовое вознаграждение; подготовка публикаций для высокорейтинговых научных школ. Российский рынок теневого академического предпринимательства является закрытым, законспирированным, жестким, высококонкурентным. На его формирование повлияла пандемия короновируса: активность за 2020–2021 годы благодаря цифровизации выросла примерно в три раза. Развитие новых форм цифровой трудовой занятости, теневого академического капитализма приводит к формированию специфических социальных тенденций: смене приоритетов в тематике научных исследований; появлению гибких неформальных академических структур, отличающихся фрагментарной сверхсвязанностью, нерыночными механизмами академической конкуренции, новыми формами цифровой и традиционной академической эксплуатации; потере собственного академического профиля в угоду теневым академическим работодателям; теневому брендированию высших учебных заведений; пролетаризации академического труда; формированию специфического конфликта интересов в науке и образовании; феодализации академического труда; формированию в студенческой среде спроса на некачественное высшее образование; монополизации на академическом рынке труда. Вследствие этих тенденций академическое сообщество в России трансформируется в закрытое сословие со специфической стратификацией на цифровую академическую элиту, средний класс академических предпринимателей, цифровых академических пролетариев.

Ключевые слова: академический капитализм, пандемия, цифровой капитализм, фрагментарная сверхсвязанность, сословная стратификация академического сообщества, пролетаризация и феодализация академического труда

Цитирование: Юрасов И. А., Танина М. А., Юдина В. А., Кузнецова Е. В. Состояние и тенденции развития теневого академического предпринимательства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 347–356. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

Введение

Концепт *академический капитализм* прочно вошел в международный социологический дискурс во второй половине XX в. благодаря работам Э. Хэкетта [1], Ш. Слотера и Л. Лесли [2]. Начиная с 80-х гг. XX в., в мире усилились тенденции американизации, маркетизации научных исследований и образовательного процесса, стало возрастать давление американских форм организации научной и образовательной жизни на европейскую науку и научное образование с целью реформировать их по американскому образцу, хотя в Европе, в СССР и позже в РФ традиции научного исследования складывались и развивались совершенно иначе и в других условиях. Суть и основной смысл этих трансформаций сводится к тому, чтобы организовать университеты и исследовательские институты как коммерческие предприятия и переложить их финансирование и развитие с государства на частных инвесторов.

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

Современный академический капитализм представляет собой предпринимательскую деятельность в области выполнения научных и образовательных проектов, когда исследовательская работа зависит напрямую от получения денежных субсидий в виде грантов, инвестиций отдельных корпораций, учреждений, государственных и частных организаций, ассоциаций, фондов. Академический капитализм – это особая социально-экономическая, социально-коммуникационная система, которая предполагает взаимосвязь между субъектами создания и распространения научного знания и диктуется логикой рыночных отношений. Кроме того, он предполагает научно-образовательную деятельность, направленную на увеличение прикладных, заказных исследований, в то время как бескорыстный творческий поиск в плане получения нового знания уходит из академического сообщества [3–6].

Причины академического капитализма видятся исследователями в рыночном характере экономики, во влиянии информационной эпохи, в гибкой реакции на потребности бизнеса, в снижении объемов государственного финансирования науки и образования во всем мире, в неолиберальной политике дерегулирования экономики и повышения роли частного предпринимательства, в доминировании финансового сектора экономики, в распространении специфических международных и отечественных рейтинговых систем [3; 6].

Академический капитализм проявляется на трех уровнях: институциональном, кафедральном, индивидуальном. На институциональном уровне он проявляется в изменении финансирования высшей школы и научного сектора. Государственное финансирование сокращается, и университет вынужден искать дополнительные источники средств.

Академический капитализм меняет приоритеты научных исследований и образовательных проектов из-за возможностей получения финансирования. Свободная творческая мысль вовлекается в процесс производства и рыночного обмена, в конкуренцию за право опубликования результатов научных исследований в высокорейтинговых, престижных научных журналах не с целью ознакомления научной общественности с результатами своих исследований, а с целью получения еще большего финансирования. Научные исследования становятся необходимым звеном цепочки капиталистического производства [3; 7; 8].

Термин *академический капитализм* включает в свой состав следующие смысловые элементы:

1. Новые схемы получения знания: межведомственные, межуниверситетские, межакадемические формальные и неформальные группы, столичные центры, привлекающие провинциальных исследователей.

2. Новые потоки финансирования: российские и международные гранты, технопарки, университетские инкубаторы, научные секторы в университетах, консалтинговые услуги, новые формы обучения (например, онлайн-обучение).

3. Появление специфических посредников в распределении финансовых потоков на научную и образовательную деятельность.

4. Появление академических «бизнес-лидеров» – академических капиталистов, представляющих собой университетских академических администраторов, наделенных особыми полномочиями, благодаря которым они содействуют развитию научного и образовательного предпринимательства посредством создания специфической инфраструктуры и новых программ, поиска и развития доноров, привлечения средств, формирования видения предпринимательства и изменения научной и образовательной политики.

Цифровизация и мировая пандемия короновируса 2020–2021 гг. существенным образом повлияли на академический капитализм и в первую очередь на теневое академическое предпринимательство в РФ. Современная социальная реальность в России трансформирует академический капитализм в теневое академическое предпринимательство, типичными социально-трудовыми практиками которого становятся написание кандидатских и докторских диссертаций за других людей (отказ от авторства в пользу заказчиков за финансовое вознаграждение, выплачиваемое в форме «черного нала»); консультации и дополнительные занятия со студентами за финансовое вознаграждение; подготовка и написание курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавриата и магистратуры, научных отчетов по грантам и темам государственных заданий для научных коллективов высокоселективных вузов и научно-исследовательских институтов (НИИ), аффилированных с российскими и зарубежными научными фондами, министерствами и ведомствами РФ, заинтересованными в научных исследованиях по проблемам своих ведомств, силами специалистов провинциальных среднеселективных и низкоселективных вузов и НИИ; подготовка материалов для публикаций в высокорейтинговых журналах силами провинциальных ученых, отказывающихся от авторства за финансовое вознаграждение; включение провинциальных ученых в коллективы соавторов высокопоставленных и высокорейтинговых ученых и преподавателей из Москвы, Санкт-Петербурга и других научных и образовательных центров и др.

В период пандемии существенное влияние на теневое академическое предпринимательство оказывают и процессы цифровизации, которые выражаются в российской научной и образовательной практике в:

a) фрагментарной сверхсвязанности, возникающей из-за феномена прогрессирующего регионального и цифрового неравенства и представляющей собой высочайшую степень проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь человека;
b) платформизации, отражающей процесс проникновения цифровых платформ – перепрограммируемых цифровых инфраструктур, формирующих и облегчающих взаимодействия между пользователями

и поставщиками услуг посредством систематического сбора, алгоритмической обработки, монетизации и распространения данных в различные сферы жизни [9];

c) датификации, под которой понимается процесс количественной оценки и монетизации человеческой жизни с помощью цифровой информации [10];

d) алгоритмическом управлении, выдвигающем на первый план идею о том, что цифровые технологии особым образом конструируют социальную среду [11].

Цифровая сверхсвязность, с одной стороны, может снижать негативное влияние расстояний и национальных границ в научной и образовательной сферах, экономить время, повышать культурный и образовательный уровень, но, с другой стороны, она порождает новые формы зависимостей, распространение ложной информации, возможности слежки и др. Фрагментарная сверхсвязанность в России отстает по многим показателям использования цифровых инструментов, кроме социальных сетей. Особенно слабо используется Интернет для дистанционного обучения, поиска работы, чтения газет, журналов, книг и коммуникации по электронной почте [11].

Цифровые технологии в сфере науки и образования также усиливают тенденции к монополизации, которая проявляется в недоступности получения дополнительного грантового финансирования, публикации в высокорейтинговых научных журналах для среднерейтиновых и низкорейтинговых провинциальных вузов и НИИ.

Таким образом, мировая пандемия короновируса и цифровизация многих практик социальной жизни в 2020–2021 гг. привели к усилению тенденций развития теневых форм академического предпринимательства.

Методы исследования

Исследование состояния и тенденций развития российского теневого предпринимательства проводились с декабря 2021 г. по май 2021 г. в Москве, Санкт-Петербурге, Пензе, Саранске, Саратове, Томске, Барнауле, Новосибирске. Основные методики: экспертный опрос лидеров и аутсайдеров академического рынка, выполненный в форме полуструктурированных глубинных интервью (n=23); массовый опрос студентов, пользующихся теневыми услугами по подготовке курсовых, дипломных работ, ответов на экзаменационные вопросы (n=432); анализ российской публицистики; анализ данных в цифровой системе Яндекс.Радар[1], отражающей популярность цифровых ресурсов; анализ данных проекта «Виртуальное население России»[2], содержащего географически привязанные демографические данные, полученные путем обработки анкет пользователей социальной сети ВКонтакте (около 200 млн анкет, собранных в России).

Анализ теневых практик академического капитализма основывается на теоретической парадигме Л. Болтански и Л. Тевено, развивающей подходы к исследованию академического капитализма на основе теории соглашений. Теория соглашений в специфических условиях теневого российского академического предпринимательства приводит к формированию особой комбинации архаического (патриархального социального порядка) и модернизационного капиталистического рыночного режима. Это выражается в развитии специфического социального порядка – археомодерна, причина формирования которого видится в специфике российского институционального развития, в появлении институциональных ловушек и в глобальных мировых социальных тенденциях последних лет [12].

Особое внимание уделялось массовому опросу студентов ВШЭ, РАНХиГС, Финансового университета при Правительстве РФ, которые пользовались теневыми академическими услугами, а также анализу российской публицистики, посвященной проблеме академического мошенничества[3].

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что современные цифровые социально-трудовые практики и пандемия короновируса в 2020–2021 гг. в России широко распространили, усилили и укрепили некоторые формы теневого академического предпринимательства.

Результаты

Согласно результатам качественных исследований, глубинных полуструктурированных интервью с участниками теневого академического предпринимательства, возросло количество случаев и участников теневых схем в области нелегального академического предпринимательства. Все эксперты подтверждают, что значительно уменьшилось количество случаев нелегального написания кандидатских и докторских диссертаций за финансовое вознаграждение. Но это связанно с ужесточением процедуры прохождения экспертизы в столичных и провинциальных диссертационных советах, с усложнением самой процедуры защиты и с невозможностью конвертировать ученые степени в финансовые и административные возможности в сферах бизнеса и государственной и муниципальной службе. В области науки и образования тоже снижаются возможности конвертации ученых степеней в источник дополнительного финансирования.

Эксперт 1: *«За последние 7–10 лет снижается количество заказчиков на написание и защиту кандидатских и докторских диссертаций. Это связано с тем, что в академической среде невозможно "отбить" финансовые средства,*

[1] Поисковые системы в России // Яндекс.Радар. Режим доступа: https://radar.yandex.ru (дата обращения: 04.05.2021).

[2] Интерактивный атлас // Виртуальное население России. Режим доступа: http://webcensus.ru (дата обращения: 04.05.2021).

[3] Ларина А. Как продают гранит науки // Новая газета. 12.04.2021. Режим доступа: https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/12/kak-prodaiut-granit-nauki (дата обращения: 04.05.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
политические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

потраченные на написание и защиту диссертаций. В моей практике было два случая написания "заказных" диссертаций за тридцать лет. Никто из заказчиков не смог конвертировать потраченные деньги в академический успех. Для "отбивки" финансовых средств на "платные" защиты необходимы академические знания, академическая креативность, лекторское мастерство, которые приобретаются в процессе самостоятельной научной работы. "Заказные" диссертации пригодятся более в том случае, если крупный государственный и муниципальный чиновник переходит после отставки в систему высшего образования, но пока такие случаи на моей практике единичны» (д-р наук, проф. провинциального ун-та, мужчина, 55 лет).

Эксперт 2: «*В последние 3–5 лет нет никаких "заказов" на написание кандидатских и докторских диссертаций. Молодой ученый или преподаватель в силу разных причин – занятости, слабых навыков научной коммуникации, неспособности – может покинуть научную и образовательную среду или при наличии у него серьезного административного ресурса, позволяющего в течение определенного времени занять ректорский или проректорский пост, обращается по законспирированным каналам к провинциальным ученым и преподавателям, дает им данные исследований. Провинциальный ученый на основании этих данных готовит текст диссертации, высылает его по электронной почте. Процедурой защиты занимается сам "заказчик". Стоимость такой услуги составляла год назад 100–120 тыс. руб., что значительно ниже цен на столичных рынках теневой академической занятости»* (канд. наук, зав. науч. сектором крупного столичного вуза, нац.-исслед. ун-та, женщина, 32 года).

Эксперт 3: «*В последние 5–10 лет растет наша заинтересованность в использовании дешевого труда провинциальных ученых. Высокорейтинговый руководитель крупного научного коллектива, явно или скрыто аффилированный с крупными отечественными и зарубежными грантовыми фондами, с министерствами и ведомствами, представляющими государственные задания по научным проектам, может "набрать" большое количество финансово обеспеченных проектов, которые он и его коллективы не в силах выполнить. Тогда тематика научных гратов и государственных заданий дробится и отдается на "теневой субподряд" в провинциальные вузы тем ученым, с которыми он лично хорошо знаком, и в научной добросовестности которых он уверен. Полностью отдавать провинциальным ученым тематику хорошо финансируемых научных проектов невыгодно, т. к. повышается конкуренция, в которой он объективно не заинтересован. Дробление темы серьезно снижает стоимость работ. Провинциальным ученым идет 20–30 % от сумм всего гранта и государственного задания»* (канд. наук, рук. крупного науч. подразделения столичного высокорейтингового вуза, женщина, 39 лет).

Эксперт 4: «*Растет конкуренция в научной среде, финансирование снижается во всем мире. Чтобы выжить, необходимо ограничивать количество конкурентов. Наилучшей методикой борьбы с конкурентами становится блокировка их доступа к высокорейтинговым публикациям и, как следствие этого, блокировка доступа к серьезному финансированию. Закрытие РФФИ поможет серьезным образом снизить конкуренцию в научном мире, т. к. провинциальные ученые в силу различных причин – незнания и слабого владение английским языком, отсутствия поддержки в редактировании публикаций для высокорейтинговых журналов и т. п. – не смогут получить доступа к высокорейтинговым публикациям, благодаря которым они смогут принимать участие в конкурсах РНФ»* (д-р наук, ст. науч. сотр. НИИ РАН, проф. столичного высокорейтингового вуза, мужчина, 52 года).

Эксперт 5: «*В период пандемии стали возникать практики, когда студенты, особенно студенты-медики, ищут репетитора (в моем случае – преподавателя латинского языка) по личным связям, на специфических платформах преподавателей и занимаются с ним дистанционно. Студент, обучающийся в столичном вузе, приглашает преподавателя по ценам провинциального города. Это может быть выгоднее в несколько раз»* (канд. наук, доц. столичного вуза, преподаватель иностранных языков, женщина, 43 года).

Все эксперты едины во мнении, что пандемия и усиливающаяся благодаря ей цифровизация в научной и образовательной сферах увеличили практики теневого академического предпринимательства в несколько раз. Пандемия и цифровизация усилили академическую конкуренцию, академическую эксплуатацию, ограничили доступ многих провинциальных научных и образовательных коллективов к легальному и официальному финансированию научных и образовательных проектов, заставив их уходить в теневое нелегальное академическое предпринимательство.

Теневое академическое предпринимательство является весьма закрытой и законспирированной сферой социально-трудовых отношений. Выявить подлинный масштаб нелегальных академических практик поможет анализ потребностей студенческого сообщества. Исследование проводилось с декабря 2020 г. по апрель 2021 г. в студенческих Telegram-каналах, на открытых и закрытых платформах Пензы, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Саратова, Томска, Барнаула, Новосибирска. Задача исследования – выявить частоту и востребованность случаев академического мошенничества и студенческой нечестности, которые являются питательной средой развития многих форм теневых академических практик, исключая случаи написания диссертаций, частей научных отчетов по грантам и государственным заданиям.

В результате опроса было выявлено, что до пандемии подавляющее большинство студентов (68 %) пользовались помощью репетиторов, услугами по подготовке готовых ответов на экзамен, по написанию курсовых и выпускных квалификационных работ. Только 13 % никогда не пользовались данными видами услуг; 19 %

отказались ответить, что свидетельствует об их возможном обращении к такому виду услуг.

Согласно данным опроса, в период пандемии осталось неизменным количество студентов, не пользовавшихся нелегальными услугами (13 %). Количество студентов, пользовавшихся данными услугами, возросло до 77 %. Количество студентов, отказавшихся отвечать, составило 10 %. Таким образом, количество потенциальных потребителей на исследуемом теневом рынке составило примерно 87 %.

Более половины респондентов (58 %) обращались к нелегальным академическим услугам во время пандемии всего 1–2 раза, 33 % – 3–5 раз, 9 % – более 6 раз. При этом в качестве основных источников получения нелегальных теневых услуг 38 % опрошенных указали своих же преподавателей, 49 % – сторонних преподавателей (в т. ч. из других городов), продвигающих свои услуги в онлайн формате, 13 % – своих одногруппников, у которых студенты заказывали курсовые и иные работы. Таким образом, пандемия способствовала увеличению участников теневого рынка нелегальных теневых услуг.

Тенденции

Полученные результаты исследования позволяют выявить следующие специфические тенденции. Пандемия и связанное с ней усиление процессов цифровизации увеличили сферу распространения практик теневого академического предпринимательства. С развитием академического капитализма, нелегального академического предпринимательства растет конкуренция между научными институтами и университетами. Она идет по нескольким направлениям. Различают академическую конкуренцию за:

- попадание в международные и национальные рейтинги;
- рост аккредитационных показателей;
- сохранение высокого качества образования;
- поддержание высокого статуса диссертационных советов;
- дополнительное финансирование учреждений или дополнительное личное финансирование;
- сохранение стабильности в оплате обучения за счет экономии от масштаба.

В российской академической среде развивается специфическая форма академической эксплуатации, когда неформальный доступ к грантовым фондам, публикациям в высокорейтинговых престижных журналах позволяет определенным группам научных работников «выбивать» финансирование и отдавать его на «теневой аутсорсинг» в научные группы, не имеющие доступа к этим фондам, грантам. По данным экспертов, оплата «научным неграм» составляет на сегодняшний день 30–50 % от суммы полученного гранта или государственного задания. Эти теневые неформальные практики приводят к потере некоторыми учеными и научными коллективами собственного имени в науке, когда они вынуждены жертвовать своим авторством из-за получения дополнительного нелегального финансирования.

Стремление к получению прибыли приобрело в российской академической среде особенно явный характер. На данный момент в российской научной среде складывается особая специфика, когда становится крайне тяжело, практически невозможно получить финансирование от коммерческих, частных фондов, все научное финансирование идет через государственные грантовые фонды. Задачей ученых и преподавателей становится преумножение собственного или академического символического и монетарного капитала. Учреждения высшей школы превращаются в коммерческие предприятия. Это приводит к изменению их роли, поскольку они становятся своего рода торговыми агентами, находящимися в постоянной конкуренции с другими коммерческими предприятиями и вынужденными позиционировать себя на образовательном и исследовательском рынке, причем их названия – не что иное, как фирменный знак – символический капитал.

Научные институты или университеты становятся избранными клубами, вступление в которые означает получение более ценностного уровня, конвертируемого в социальный престиж. Для эффективного выполнения этой роли университет вынужден аккумулировать имеющийся у него социальный, интеллектуальный и финансовый капитал, чтобы иметь возможность получить более высокую капитализацию интеллектуальных, социальных и финансовых активов. Это заставляет вузы и академические институты искать богатых спонсоров, а также включаться в международные альянсы и консорциумы, чтобы создавать позиционные преимущества в своей сфере.

При академическом капитализме на фоне цифровизации научного и образовательного труда усиливается так называемый «эффект Матфея», введенный в научный оборот Р. Мертоном в 1960-е гг. XX в. Суть его состоит в своеобразной интерпретации евангельского изречения «кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет»[4]. «Эффект Матфея» выражается в настоящее время в процессах углубления неравенства в научной сфере, концентрации ресурсов в ведущих научных центрах и у именитых ученых. Главное объяснение этому – неравенство стартовых возможностей представителей различных научных школ и регионов. В международное сотрудничество в 1990-е гг. включилась прежде всего немногочисленная элитарная часть научного сообщества – представители столичных научных школ, многие из которых имели международные контакты еще в советское время.

[4] Евангелие от Матфея. Гл. 13. Стих: 12.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

В российской науке и образовании складывается специфический конфликт интересов, когда начинающие или провинциальные исследователи вынуждены выполнять научные проекты, на которые их столичные высокорейтинговые «работодатели» получили финансирование. Научные работники, сотрудники университетов формируют научно-образовательное сословие, основными характеристиками становятся закрытость, кастовость. Возникают ситуации, когда академические должности могут передаваться по наследству, при этом внутри сословия возникают научные олигархи, научные богатые, научный пролетариат, который вынужден продавать свои знания, опыт и наработки за небольшое дополнительное финансирование. Речь идет о пролетаризации академического труда в РФ, сам факт которой вследствие теневого предпринимательства приводит не к усилению академического капитализма из-за добросовестной конкуренции, а к феодализации академического рынка труда.

В современном академическом или университетском мире России на протяжении тридцати лет формировались «научные синьоры», имеющие серьезные финансовые, административные ресурсы, которые становились «псевдоработодателями», дающими членам своих коллективов или провинциальным ученым и преподавателям возможности работать и прилично зарабатывать в сфере науки и образования. В отношениях современной научной и образовательной коммендации научные и образовательные вассалы проводят обязательные учебные занятия, входящие в официальную рабочую нагрузку своих руководителей, обсуживают их бытовые потребности, проводят исследования, финансирование на которые получает начальство[5] [5; 8; 13].

Причинами феодализации российского академического капитализма стали всеобщая коммерциализация и маркетизация всех сфер жизни общества; сословная стратификация научно-образовательной сферы, когда в научно-образовательном сословии возникает своя элита и научно-образовательная олигархия, концентрирующие все финансовые, административные ресурсы и принуждающие к эксплуатации научно-образовательных пролетариев; проникновение коммерческих технологий работы и коммерческих социальных технологий в сферу науки и образования; прекращение действия устаревшей правовой системы; деформация старой академической морали и этики.

Теневое академическое предпринимательство, феодализационная трансформация российского академического капитализма и академической сферы развиваются также посредством большого спроса со стороны студенческого сообщества, в котором сформировалась устойчивая тенденция на некачественное высшее образование, формирующая академическую нечестность как в студенческой среде, так и в научной и преподавательской.

Эмпирические исследования в разных странах показывают, что довольно большое число студентов хотя бы раз прибегали к практикам нечестного поведения: плагиату, списыванию на экзамене со шпаргалок, списыванию домашних заданий у одногруппников, помощи одногруппникам на экзаменах и т. д. [6; 13–16]. Кроме того, в связи с развитием цифровых технологий стали возникать новые виды академического мошенничества, такие как списывание и плагиат с использованием гаджетов и Интернета, привлечение провинциальных ученых, преподавателей из среднеселективных и низкоселективных вузов и НИИ в форме теневой занятости для выполнения грантовых исследований, финансирование которых получили столичные ученые из высокорейтинговых, высокоселективных вузов и НИИ, аффилированных с грантовыми фондами России и зарубежных стран.

Следующей причиной масштабного развития теневого академического предпринимательства, академической конкуренции и академической сверхэксплуатации является различное понимание справедливости внутри российского академического сообщества, трактуемое новой концепцией – социологией критической способности Л. Болтански и Л. Тевено [17; 18]. Этот теоретический дискурс предполагает отказ от изначальной однозначной установки на рассмотрение конкретных социальных практик как чего-то плохого, несправедливого, постыдного или как правильного, этичного, справедливого. Социология критической способности опирается на сложившиеся в конкретном обществе социальные практики, дискуссии вокруг соответствующих практик и анализ того, как в их рамках производятся и воспроизводятся различные представления о социальном добре / социальном зле, справедливости / несправедливости. Социология критической способности обращается и к критике, и к оправданию.

Л. Болтански и Л. Тевено выделяют шесть режимов критики и оправдания:

1) режим вдохновения;
2) патриархальный (домашний) режим;
3) режим репутации (славы);
4) гражданский режим;
5) рыночный режим;
6) индустриальный (научно-технический) режим [17; 18].

Развитие архаичных социальных практик, феодализация академического капитализма, сословная стратификация, характерная доиндустриальным обществам, коррелируют с патриархальными социальными отношениями в российской науке и образовании. Патриархальному (домашнему) режиму соответствует отсылка к личным отношениям, опора на авторитет, признаваемую иерархию и традиции.

Но феодально-архаические социально-трудовые практики в академической среде предполагают формирование

[5] По данным наблюдения 2012–2021 гг. в вузах и институтах Пензы, Саранска, Санкт-Петербурга.

и развитие такой специфической капиталистической черты – жесткой конкуренции. В основе конкурентного рыночного режима в отечественной научной среде лежат отношения конкуренции между субъектами, а также желания субъектов обладать определенными (финансовыми и административными) благами. В рамках данного режима принципом эквивалентности является стремление к выгоде, достижению целей при минимальных усилиях и временных вложениях.

В этом режиме формируется иерархия доверия, выстроенная на основе личных зависимостей, которая делает возможным развитие феодальных социальных практик в самой инновационной социальной страте российского общества. Специфическое социальное доверие внутри научно-образовательного сословия формирует толерантность университетского сообщества и НИИ к теневому академическому предпринимательству и к случаям научного мошенничества. На основе этой толерантности к нелегальным практикам ведения научной работы и преподавания разрушается стремление к истине, к общему благу в научно-образовательном сословии. Социальное доверие внутри теневых академических схем, толерантность к научному мошенничеству, создание закрытых научно-образовательных каст усиливают атомизм внутри научно-образовательного сословия, блокирующий формирование социальной солидарности с коллегами: академическая среда становится доступной для манипуляций и неспособной к сопротивлению негативным социальным трансформациям в науке и образовании.

Заключение

Таким образом, рынок теневого академического предпринимательства является закрытым, очень законспирированным, жестким, высококонкурентным. На него, как и на всю мировую экономику, повлияли пандемия короновируса и связанная с ней масштабная цифровизация. Если на многих легальных и теневых рынках произошло снижение экономической активности, то на рынке теневого академического предпринимательства в России наблюдается экономический бум. Благодаря цифровизации активность на рынке теневого академического предпринимательства в России за 2020–2021 гг. выросла в несколько раз. Развитие новых форм цифровой трудовой занятости, теневого академического капитализма обусловливают формирование таких специфических социальных тенденций, как:

- трансформация академических работников в научно-образовательное сословие с жесткой клановой иерархией;
- формирование в научно-образовательном сословии научно-образовательной элиты, олигархии, среднего класса, научных пролетариев и научно-образовательных бедняков;
- феодализация академического сообщества, научных и образовательных практик и усиление капиталистического момента – конкуренции в академическом сословии;
- смена приоритетов в тематике научных исследований, когда предпочтение отдается не важной, стратегической тематике, а темам, на финансирование которых удается получить финансовые средства от правительства, бизнеса и грантовых фондов;
- появление гибких неформальных академических структур, отличающихся фрагментарной сверхсвязанностью, нерыночными механизмами академической конкуренции;
- развитие новых форм цифровой и традиционной академической эксплуатации;
- потеря собственного академического профиля в угоду теневым академическим структурам и работодателям;
- теневое брендирование университетов и НИИ;
- пролетаризация академического сословия;
- формирование специфического конфликта интересов в науке и образовании;
- возникновение в студенческой среде России спроса на некачественное высшее образование, стимулирующего теневое академическое предпринимательство;
- монополизация на академическом рынке труда.

Из-за этого академическое сообщество в России трансформируется в закрытое сословие, регулируемое одновременно феодальными и капиталистическими социально-трудовыми практиками и социальными отношениями, со специфической стратификацией на цифровую академическую элиту, средний класс академических предпринимателей, цифровых академических пролетариев.

В настоящее время, когда происходит формирование социально-экономической структуры теневого академического предпринимательства, еще сложно увидеть какие-либо более или менее четкие перспективы развития данного явления. Но на основании некоторых научно-технологических неудач России в сфере освоения космоса, авиастроения, автопрома; данных Счетной Палаты РФ по поводу аудита эффективности финансовых затрат на научную сферу трудно давать оптимистичные прогнозы по трансформации теневых структур академического предпринимательства[6]. Можно только согласиться с данными аудита Счетной Палаты и последовать некоторым ее рекомендациям (закрепление в российском законодательстве государственных мер по поддержке науки, создание действительно работающих социальных лифтов в российской провинции, формирование системы мониторинга результативности исследовательской деятельности, в т. ч. учета коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и др.).

[6] Кузнецова Е., Старостина Ю. Счетная палата назвала главные проблемы российской науки // РБК. 07.02.2020. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/07/02/2020/5e3c1bf19a7947cce149aa99 (дата обращения: 04.05.2021).

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: И. А. Юрасов – разработка общей концепции статьи; анализ отечественных и зарубежных подходов к изучению академического предпринимательства. М. А. Танина – разработка методики исследования; проведение опроса по проблемам академического предпринимательства. В. А. Юдина – обработка данных опроса по проблемам академического предпринимательства; формулирование специфических тенденций теневого академического предпринимательства. Е. В. Кузнецова – экспертная оценка исследования; верификация научных выводов статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00310 «Самозанятые работники физического и умственного труда России: исследование новейших тенденций социальной стратификации, социокультурный анализ жизненных стратегий прекариата».

Литература

1. Hackett E. J. Academic capitalism // Science, Technology, & Human Values. 2014. Vol. 39. № 5. P. 635–638. https://doi.org/10.1177/0162243914540219
2. Slaughter S., Leslie L. L. Academic capitalism: politics, policies, and the entrepreneurial university. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997. 276 p. https://doi.org/10.5860/choice.35-3451
3. Акимова Е. Н., Шатаева О. В. Академические капитализм: смены парадигмы развития высшей школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2020. № 3. С. 8–17. https://doi.org/10.18384/2310-6646-2020-3-8-17
4. Баженов С. В., Баженова Е. Ю. Академический капитализм: анализ подходов в изучении академического мира // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 10А. С. 263–275. https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.10.031
5. Горохов В. Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 3–14.
6. Chapman K. J., Davis R., Toy D., Wright L. Academic integrity in the business school environment: I'll get by with a little help from my friends // Journal of Marketing Education. 2004. Vol. 26. № 3. P. 236–249. https://doi.org/10.1177/0273475304268779
7. Митин А. Н. Размышления об «академическом капитализме» // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 1. С. 120–125.
8. Weingart P. Die amerikanische Wissenschaftslobby: zum sozialen und politischen Wandel des Wissenschaftssystems im Prozess der Forschungsplanung. Düsseldorf: Bertelsmann Universitätsverlag, 1970. 251 p.
9. Poell T., Nieborg D. B., Dijck J. van. Platformisation // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. № 4. https://doi.org/10.14763/2019.4.1425
10. Mejias U. A., Couldry N. Datafication // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. № 4. https://doi.org/10.14763/2019.4.1428
11. Смирнов А. В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790
12. Дугин А. Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011. 142 с.
13. Denisova-Schmidt E., Huber M., Leontyeva E. On the development of students' attitudes towards corruption and cheating in Russian universities // European Journal of Higher Education. 2016. Vol. 6. № 2. P. 128–143. https://doi.org/10.1080/21568235.2016.1154477
14. McCabe D. L., Treviño L. K. Academic dishonesty: honor codes and other contextual influences // The Journal of Higher Education. 1993. Vol. 64. № 5. P. 522–538. https://doi.org/10.2307/2959991
15. Jeergal P. A., Surekha R., Sharma P., Anila K., Jeergal V. A., Rani T. Prevalence, perception and attitude of dental students towards academic dishonesty and ways to overcome cheating behaviors // Journal of Advanced Clinical & Research Insights. 2015. Vol. 2. № 1. P. 2–6. https://doi.org/10.15713/ins.jcri.32
16. Maloshonok N., Shmeleva E. Factors influencing academic dishonesty among undergraduate students at Russian universities // Journal of Academic Ethics. 2019. Vol. 17. № 3. P. 313–329. https://doi.org/10.1007/s10805-019-9324-y
17. Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности / пер. с англ. К. А. Виноградовой, под ред. А. В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 66–83.
18. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковеневой, под ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.

original article

Informal Academic Entrepreneurship: Current State and Development Trends

Igor A. Yurasov
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza State University, Institute of regional development of the Penza region; https://orcid.org/0000-0002-4884-6422; jurassow@yandex.ru

Maria A. Tanina
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; https://orcid.org/0000-0001-7311-6280; margo10@inbox.ru

Vera A. Yudina
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; https://orcid.org/0000-0001-9835-9430; vayudina@fa.ru

Elena V. Kuznetsova
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; https://orcid.org/0000-0002-6863-1066; elena_myskina@mail.ru

Received 31 May 2021. Accepted after peer review 20 Sep 2021. Accepted for publication 20 Sep 2021.

Abstract: The concept of *academic capitalism* appeared in the international sociological discourse in the 1990s. However, Russian academic capitalism has taken unconventional forms as it develops in the shadow informal environment of the academic labor market. It covers a wide range of academic activities, e.g. tutorship, extra classes, ghost-writing of essays, theses and graduation papers, etc. Quite often, federal universities and research centers order grant reports, state assignments papers, and manuscripts for top peer-reviewed journals from provincial academics. The Russian market of shadow academic entrepreneurship is closed, secretive, tough, and highly competitive. The COVID-19 pandemic gave it a new rise: it increased three times in 2020–2021. New forms of digital employment and shadow academic capitalism lead to new social trends, e.g. new priorities appear in the subject of scientific research as academic institutions lose their profile in favor of their shadow academic employers. New flexible informal academic structures demonstrate faceted over-connectivity, non-market mechanisms of academic competition, and new forms of digital and traditional academic exploitation. Other trends include shadow branding of universities, proletarization and feudalization of academic labor, conflict of interests in science and education, formation of demand for low-quality higher education, monopolization in the academic market, etc. As a result, the academic community in Russia is transforming into a closed estate with its digital academic elite, middle class of academic entrepreneurs, and digital academic proletarians.

Keywords: academic capitalism, pandemic, digital capitalism, fragmentary super-connectivity, class stratification of the academic community, proletarization and feudalization of academic labor

Citation: Yurasov I. A., Tanina M. A., Yudina V. A., Kuznetsova E. V. Informal Academic Entrepreneurship: Current State and Development Trends. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 347–356. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-347-356

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: I. A. Yurasov developed the general research concept and analyzed domestic and foreign approaches to academic entrepreneurship. M. A. Tanina developed the research methodology and surveyed the issues of academic entrepreneurship. V. A. Yudina processed the survey data and formulated the trends in the shadow academic entrepreneurship. E. V. Kuznetsova provided an expert evaluation of the research and verified the conclusion.

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of project No. 20-011-00310 "Self-employed workers of physical and mental labor in Russia: a study of the latest trends in social stratification and a socio-cultural analysis of precariat life strategies".

References

1. Hackett E. J. Academic capitalism. *Science, Technology, & Human Values*. 2014, 39(5): 635–638. https://doi.org/10.1177/0162243914540219
2. Slaughter S., Leslie L. L. *Academic capitalism: politics, policies, and the entrepreneurial university*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1997, 276. https://doi.org/10.5860/choice.35-3451
3. Akimova E. N., Shatayeva O. V. Academic capitalism: changing the paradigm of higher school development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2020, (3): 8–17. (In Russ.) https://doi.org/10.18384/2310-6646-2020-3-8-17

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

4. Bazhenov S. V., Bazhenova E. Yu. Academic capitalism: an analysis of the approaches to the study of the academic world. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra,* 2019, 9(10A): 263–275. (In Russ.) https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.10.031
5. Gorokhov V. G. How the science and scientific education during the epoch of "the academic capitalism" are possible? *Voprosy Filosofii,* 2010, (12): 3–14. (In Russ.)
6. Chapman K. J., Davis R., Toy D., Wright L. Academic integrity in the business school environment: I'll get by with a little help from my friends. *Journal of Marketing Education*, 2004, 26(3): 236–249. https://doi.org/10.1177/0273475304268779
7. Mitin A. N. Thoughts on "academic capitalism". *Biznes, menedzhment i pravo*, 2014, (1): 120–125. (In Russ.)
8. Weingart P. *Die amerikanische Wissenschaftslobby: zum sozialen und politischen Wandel des Wissenschaftssystems im Prozess der Forschungsplanung.* Düsseldorf: Bertelsmann Universitätsverlag, 1970, 251.
9. Poell T., Nieborg D. B., Dijck J. van. Platformisation. *Internet Policy Review*, 2019, 8(4). https://doi.org/10.14763/2019.4.1425
10. Mejias U. A., Couldry N. Datafication. *Internet Policy Review*, 2019, 8(4). https://doi.org/10.14763/2019.4.1428
11. Smirnov A. V. Digital society: theoretical model and Russian reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, (1): 129–153. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790
12. Dugin A. G. *Archaeomodern*. Moscow: Arktogeia, 2011, 142. (In Russ.)
13. Denisova-Schmidt E., Huber M., Leontyeva E. On the development of students' attitudes towards corruption and cheating in Russian universities. *European Journal of Higher Education*. 2016, 6(2): 128–143. https://doi.org/10.1080/21568235.2016.1154477
14. McCabe D. L., Treviño L. K. Academic dishonesty: honor codes and other contextual influences. *The Journal of Higher Education,* 1993, 64(5): 522–538. https://doi.org/10.2307/2959991
15. Jeergal P. A., Surekha R., Sharma P., Anila K., Jeergal V. A., Rani T. Prevalence, perception and attitude of dental students towards academic dishonesty and ways to overcome cheating behaviors. *Journal of Advanced Clinical & Research Insights,* 2015, 2(1): 2–6. https://doi.org/10.15713/ins.jcri.32
16. Maloshonok N., Shmeleva E. Factors influencing academic dishonesty among undergraduate students at Russian universities. *Journal of Academic Ethics*, 2019, 17(3): 313–329. https://doi.org/10.1007/s10805-019-9324-y
17. Boltanski L., Thévenot L. The sociology of critical capacity, tr. Vinogradova K. A., ed. Tavrovskii A. V. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii,* 2000, 3(3): 66–83. (In Russ.)
18. Boltanski L., Thévenot L. *De la justification: les economies de la grandeur*, tr. Koveneva O. V., ed. Koposov N. E. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 576. (In Russ.)